

Гронский Александр Дмитриевич

кафедра гуманитарных дисциплин БГУИР

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Политическая полиция, Российская империя, Северо-Западный край, Первая мировая война, контрразведывательные отделения, железнодорожная жандармерия

Западные границы Российской империи всегда представляли интерес для разведок соседних держав, поэтому на территории Привислинского, Северо- и Юго-Западного краев российское командование обращало особое внимание. В 1911 г. в России были сформированы первые контрразведывательные отделения (КРО). Причем армейские структуры, ранее поиском разведчиков противника профессионально не занимавшиеся, предложили должности начальников КРО жандармским офицерам, имевшим опыт агентурной работы, сыска, наблюдения.

Территория Белоруссии входила в состав Виленского военного округа, расформированного в 1914 г. с началом Первой мировой войны. Свои интересы здесь имели соседние государства – Пруссия и Австро-Венгрия, которые стремились получить как можно более точные сведения о состоянии российских вооруженных сил, особенно на границе. Зарубежные разведки привлекали для своих целей русских революционеров и представителей различных национальных движений, особенно радикальных. Кроме того, часть агентов работала не из политических, а из финансовых соображений. В основном этим занималось еврейское население Российской империи [14, с. 56]. Исходя из этого, политический сыск в Виленском военном округе столкнулся с тем, что ему пришлось контролировать достаточно широкий круг подозреваемых.

Накануне Первой мировой войны контрразведка испытывала постоянные сложности с личным составом. Начальники отделений, командированные из корпуса жандармов, не всегда имели практику контрразведывательной работы. Еще хуже обстояло дело с армейскими офицерами, вообще не имевшими подобного опыта. Ни жандармы, ни военные не хотели командировать в КРО лучшие кадры. Они были нужны на старых местах службы, да и сами офицеры не стремились туда по причине бесперспективности карьерного роста [4, с. 136].

Жандармские офицеры командировались в органы армейской контрразведки, выполняя функции начальников КРО при штабах военных округов. Контрразведывательное отделение при штабе Виленского военного округа возглавлял ротмистр Беловодский. Структура отделения насчитывала около 50 сотрудников, основная масса которых работала в штабах, войсках и населенных пунктах приграничной полосы. КРО Виленского военного округа имело свою агентуру и за рубежом, в частности в Кенигсберге, Вене и других

городах Германии и Австро-Венгрии. С началом войны по мобилизационному плану территория Белоруссии вошла в состав двух военных округов: Минского и Двинского. Контрразведывательные органы были созданы при штабах не только округов, но и армий. Это привело к дефициту профессиональных контрразведчиков, поэтому в КРО стали попадать случайные люди, на что обратил внимание начальник Витебского ГЖУ Шульц. Все же, несмотря на это, контрразведка очень сильно осложняла работу иностранных разведслужб.

При решении своих специфических вопросов и разведчики, и контрразведчики обращались за сведениями к жандармам губернских управлений. Губернские жандармские управления поставляли интересующую военных информацию, проверяли и уточняли присланные ими сведения. Интересы разведки были самыми разнообразными. Ей требовалась информация о составе семей военнослужащих, подозреваемых в революционной деятельности и сотрудничестве с противником, также разведчиков интересовали социальное положение подозреваемых, девичьи фамилии их жен. Разведка интересовалась не только нравственностью и благонадежностью уже попавших в плен военнослужащих, но и подозрительных людей, находившихся в тот момент в русской армии [2, № 3638, л. 74].

Близость фронта, загруженность полиции и, возможно, обычные бюрократические проволочки заставляли разведчиков повторять свои просьбы по 2–3 раза. Телеграммы терялись в потоке другой информации, попадали не по тому адресу. Это усложняло работу разведки и контрразведки. Информация, которую жандармам предлагалось проверить, была не всегда точной. Например, разведчики путали фамилии, имена, профессии подозреваемых. Все эти ошибки жандармы методично исправляли, отправляя информацию в разведотделения. Однако это не мешало разведчикам снова и снова просить жандармов проверять неточно поданные сведения [2, № 3638, л. 74, 77].

С началом войны произошел всплеск патриотических настроений, и многие жандармские офицеры, желая быть поближе к передовой, подали рапорты с просьбой перевести их в органы контрразведки. Из-за большого количества рапортов руководство Отдельного корпуса жандармов специально разъясняло желающим, что жандармские управления и охранные отделения также имеют отношение к защите государства, но только внутренней [5, т. 2, с. 354]. Деятельность политической полиции расширилась. Теперь она выполняла просьбы военных по контролю за подозреваемыми в шпионской деятельности, арестовывала лиц, обвиняемых контрразведкой в сборе сведений в пользу противника, поставляла интересующую разведку и контрразведку информацию.

Во время войны всем мобилизованным частям было увеличено довольствие. Жандармское руководство обратилось к военному командованию с ходатайством о признании мобилизованными ГЖУ, расположенных на театре военных действий. Однако жандармам отказали, мотивировав это тем, что мобилизованными считаются только полевые управления, хотя и Главное управление, и Штаб корпуса жандармов были признаны мобилизованными, не являясь полевыми управлениями. Из жандармских управлений

мобилизованными считались лишь те, которые располагались в пограничных с Германией и Австро-Венгрией местностях [11, д. 10, л. 157, 159].

Одним из первых контрразведывательных мероприятий начала войны была массовая депортация вглубь России австрийских и немецких подданных, оказавшихся в приграничных районах. Процесс коснулся также и некоторых российских подданных немецкого происхождения. Это создало почву для недовольства среди перемещенных лиц, что, в конечном счете, могло стимулировать рост шпионажа в этой среде. Тем не менее, от депортации был получен большой положительный эффект. Так, по утверждению австрийских разведчиков, это мероприятие «невероятно осложнило» деятельность австро-венгерской разведки в прифронтовой зоне [4, с. 139].

В октябре 1914 г. в белорусских губерниях у австрийских и немецких подданных было изъято все огнестрельное оружие и документы на право владения им. Исключение составляли только охотники, которым выдавались срочные свидетельства. Операцию потребовали провести очень быстро, все жалобы тут же направлялись губернатору с заключением жандармских или полицейских офицеров [11, д. 10, л. 136].

Русская контрразведка постепенно становилась более профессиональной. С началом войны она была усилена командированными в армию жандармскими офицерами. Однако к концу 1915 г. удар по ее престижу нанесла сама российская власть. Правящие верхи почему-то решили, что пошатнувшееся единство общества может спасти тотальная шпиономания. Население постепенно стали приучать к тому, что шпионы находятся повсюду. Под этот набирающий обороты маховик попал даже военный министр В.А. Сухомлинов. После его отставки общество готово было поверить во все. Появились слухи, что шпионы существуют даже среди представителей императорской фамилии [4, с. 275].

Шпиономания сказалась и на работе КРО. С 1915 г. контрразведка все больше стала превращаться в структуру, дублирующую политическую полицию. Контрразведчики занимались борьбой со спекуляцией, дороговизной, политической пропагандой и даже рабочим движением. Причем происходило это не потому, что контрразведкой руководили жандармские офицеры, а из-за требования военных властей заниматься подобными делами в качестве первоочередной задачи. По мере расширения деятельности КРО начал быстро увеличиваться и их штат. Естественно, что туда опять стали попадать непрофессионалы. Особенно активный рост численности личного состава контрразведывательных отделений начался с 1916 г. [4, с. 283].

К началу 1917 г. контрразведка стала жить практически независимой от армии жизнью, не признавая никакого подчинения. Тем не менее, ее работа была достаточно эффективной. По признанию руководителя германской разведки Николаи, немцы все время нуждались в глубокой разведке, а она так и не принесла больших результатов [4, с. 327].

Профессионализм жандармских офицеров военные использовали не только для контрразведывательных целей, но и для руководства военной разведкой за рубежом. Например, накануне войны в Швейцарии была создана тайная разведорганация под руководством бывшего жандармского

полковника М.Ф. Коттена, который специально ушел в отставку. Однако она была раскрыта в августе 1914 г. [1, т. 2, с. 488]. Также некоторые жандармские офицеры, отлично владеющие немецким языком, посылались в тыл немецких войск. Они под видом коммерсантов объезжали интересующие российских военных районы и собирали самую разнообразную информацию. Они действовали не только в тылу войск противника, но и собственно на территории Германии. Например, жандармскими разведчиками поставлялись сведения о прохождении воинского призыва в немецкой армии, о настроениях мирных граждан стран Тройственного союза и т. д. [5, т. 2, с. 515].

С началом Первой мировой войны усиленную помощь военным стала оказывать Заграничная агентура Департамента полиции. Если ранее ей запрещалась разведывательная и контрразведывательная деятельность, то с августа 1914 г. она стала необходима. Также на нее были возложены некоторые функции военной цензуры. Для более быстрого выполнения просьб военных Заграничная агентура установила связь с представителем русской разведки в Париже. Однако разведдеятельность этого подразделения Департамента полиции не принесла больших результатов, так как необходимого опыта служащие зарубежной агентуры не имели [3, с. 108]. Заграничная агентура в основном действовала в странах, куда эмигрировали русские революционеры (во Франции, Швейцарии, Британии), во время войны эти государства являлись союзниками России, и Заграничная агентура, кроме слежки за революционерами, собирала на территории этих государств всевозможную информацию военного характера, которая могла бы помочь деятельности русской разведки. Сведения о сотрудничестве некоторых российских революционных партий (РСДРП, а также польские и финские националисты) с немецкой разведкой заставляли обращать на представителей этих партий повышенное внимание. Действовала Заграничная агентура и в Германии, но там ей пришлось переходить на нелегальное положение. Кроме того, в декабре 1916 г. по причине симпатий Швеции к странам Тройственного союза была организована агентура в странах Скандинавии. Однако проявить себя она не успела [3, с. 110]. В феврале 1917 г. Заграничная агентура прекратила свое существование вместе с ликвидацией Департамента полиции. Следует заметить, что, хотя Заграничная агентура требовала огромных средств, она работала достаточно эффективно практически на всем протяжении своего существования. Информация о жизни и планах русских революционеров постоянно поставлялась в Департамент полиции, в некоторых странах Европы служащими политической полиции в местной прессе проводились акции, направленные на дискредитацию революционеров-эмигрантов.

Однако основной функцией политической полиции оставалась работа внутри страны, на которую, естественно, накладывалась военная специфика. С началом Первой мировой войны по империи прошла всеобщая мобилизация, которая поставила под ружье вчерашних крестьян и рабочих. Огромное скопление вооруженных людей в прифронтовых губерниях Российской империи прибавило работы местным органам полиции и жандармерии. Взаимодействие армии с политической полицией усилилось. Для того чтобы информация, адресованная в структуры политической полиции, не

задерживалась и как можно быстрее достигала адресата, для начальников ГЖУ на телеграфе был установлен особый адрес «НАЧЖАНД» [11, д. 10, л. 161], а в жандармские управления поступали все приказы того военного округа, на территории которого это управление располагалось [11, д. 10, л. 81, 142].

Практически с момента начала мобилизации в армию попадали революционно настроенные элементы, а также пацифисты [2, № 4369/41]. Кроме того, революционеры-пропагандисты вели агитацию среди солдат. Жандармы задерживали их и помещали под стражу до окончания расследования. Интерес представляет то, что агитаторы не получали серьезного наказания. Например, некто И. Гурвич, занимавшийся в 1914 г. пропагандой среди военнослужащих, задерживался за аналогичную деятельность и ранее. Однако его все же выпустили под залог, а после рассмотрения дела он получил наказание в виде четырехмесячного содержания под стражей с учетом предварительного заключения. Вещественные доказательства после окончания дела были уничтожены [9, д. 58, л. 11].

Также возникали проблемы с мобилизованными. Временами они носили чисто бытовой характер. Так, эшелоны с новобранцами иногда задерживались на станциях из-за плотного железнодорожного движения, что давало лишнюю работу полиции. Например, на станции Пуховичи новобранцы разошлись по поселку и принялись грабить лавки и сады. Жандармский унтер-офицер в этот момент был возле состава и не знал, что делается в поселке. Туда направился пристав с 15 стражниками, которые и навели порядок [2, д. 18, л. 252, 252 об].

Особое внимание и армейские, и жандармские органы уделяли молодежи досрочных призывов. Требования сбора сведений об этой категории лиц всегда сопровождалась пометкой: «К выполнению отнести с особым вниманием и особой тщательностью» [2, № 3638, л. 608, 630, 633]. О призывнике, обратившем на себя внимание контрразведки, собиралась буквально вся информация: политическая благонадежность призывника, его жены (если женат), родителей, других родственников, которые «обращали на себя внимание властей». Также выяснялось вероисповедание призывника и его супруги, проверялось наличие паспорта и уточнялось место жительства [2, № 3638, л. 10].

Жандармами расследовались и такие случаи, когда призывники не стремились попасть на фронт. Например, в 1916 г. некто Лыбанов захотел пойти на службу в полицейскую стражу. Начальник Могилевского ГЖУ попросил своего помощника выяснить, не делается ли это с целью избежать призыва на военную службу. Проведенное расследование показало, что именно это является единственной причиной такого желания [2, № 3638, л. 71, 71 об.].

Вскоре в прифронтовых губерниях появилась еще одна проблема – дезертиры. При остановках санитарных поездов на семафорах из вагонов убегали некоторые легкораненые солдаты. Они возвращались в свои деревни или бродили по окрестностям в районе места побега. 9 декабря 1914 г. штаб Корпуса жандармов обязал свои местные подразделения обратить серьезное внимание на пресечение этого, а 17 декабря такое же распоряжение получила полиция. О побегах раненых жандармы должны были сообщать в штаб Корпуса, в ближайшие жандармские управления и губернаторам, которые, в

свою очередь, передавали эту информацию полиции [11, д. 10, л. 139, 145, 145 об].

Проблема с дезертирами существовала вплоть до выхода России из войны. Методы поимки дезертиров становились все более изощренными. Так, в декабре 1916 г. в Полоцке полицейская стража оцепляла отдельные районы города и проводила облавы, которые длились на протяжении месяца. В результате было арестовано 80 дезертиров и 195 уклоняющихся. Подобные облавы проводили в Полоцком и других уездах Витебской губернии. Так, только за декабрь 1916 г. в Люцинском уезде было задержано – 40, Городокском – 47, Витебском – 54, а в самом Витебске – 25 человек. Однако проблема борьбы с дезертирством так и не была решена [8, д. 103, л. 9, 10]. Также полиция разыскивала военнослужащих, совершивших уголовные преступления. Так, в феврале 1917 г. вольноопределяющийся Лихачев убил офицера и бежал из части. Военское командование срочно сообщило об этом минскому губернатору, а тот, в свою очередь, – полицмейстеру [6, д. 15, л. 553].

Дезертиры и отставшие от своих частей солдаты часто совершали разбойные нападения на мирное население, пытаясь добыть себе пищу и деньги. С этим боролись как полиция, так и жандармы. Причем, если обыватели смирялись со случившимся и даже не заявляли в полицию, то защитники правопорядка, узнав об этом, добивались того, чтобы пострадавшие все-таки провели опознание солдат, бывших в тот момент в командировках в их местности. Однако в большинстве случаев эти опознания ничем не заканчивались. Видимо, преступления совершались именно дезертирами и отставшими от своих частей нижними чинами, а не командированными солдатами [11, д. 18, л. 15–16 об, 21, 22]. Сами военные, понимая, что дезертиры могут создать у населения негативное отношение к армии, обязывались оказывать полиции посильную помощь в расследовании этих дел [11, д. 18, л. 17].

Кроме того, проблемы политической полиции доставляли и мирные граждане, поскольку у населения хранилось много различного оружия, в том числе и неразорвавшиеся снаряды, подобранные на местах боев. Не представляя, что они могут нести опасность, их гражданские владельцы показывали снаряды гостям, бросали на пол в присутствии любопытствующих. Естественно, что такое обращение с боеприпасами было чревато частыми взрывами. Обычно жертв было немного, поскольку население подбирало в основном мелкокалиберные снаряды, так как их было легче переносить и хранить. Жандармы расследовали случаи взрывов при неосторожном обращении гражданских лиц с боеприпасами, выясняя, кто, откуда и для какой цели подбирает снаряды. Также жандармам было поручено пресекать всякие попытки сбыта военнослужащими казенного имущества, поскольку солдаты продавали различные вещи своей амуниции, заменяя ее негодной [11, д. 10, л. 148–149 об, 151; д. 63, л. 19, 23]. В губерниях, находящихся на военном положении, была распространена и продажа трофейного оружия, в основном австрийского, которое продавали как военные, так и гражданское население [11, д. 10, л. 149, 150].

В прифронтовой зоне в обязанности полиции входила и проверка документов у лиц, прибывших в районы расположения армейских частей. Полицейские и жандармы следили за действиями немецкой авиации, сообщали о разрушениях после бомбежек, охраняли военные позиции. Распространяли жандармы и информацию о положении русских пленных в австрийских лагерях, а также занимались поиском военнопленных солдат противника, бежавших с работ, на которые их поставило русское командование [6, д. 15, л. 540; 11, д. 10, л. 165–167 об.]. Жандармы следили и за людьми, потенциально способными оказать разлагающее влияние на армию. Например, в Могилевскую губернию в 1916 г. прибыл некто Израилевич. Начальник ГЖУ тут же приказал установить за ним наблюдение, так как какой-то Израилевич в 1906 г. был заподозрен в подстрекательской деятельности среди новобранцев [2, № 3638, л. 38].

Также жандармам приходилось следить и за государственными чиновниками, которым иногда приходилось посещать места непосредственного расположения русской армии. Военные к таким посещениям относились крайне подозрительно. Государственные служащие, имеющие доступ в «населенные пункты запрещенного района», могли собирать сведения в пользу противника. Особенно подозрительно военные относились к чиновникам с явно немецкими фамилиями. Например, зимой 1916–1917 г. помощник надзирателя третьего округа надворный советник Б. фон Рихтер попросил разрешения посещать «запретный район» по делам службы. Свое желание надзиратель мотивировал необходимостью борьбы с нарушениями акцизных уставов. Военные обратились к витебскому губернатору с просьбой предоставить сведения о фон Рихтере. Губернатор, в свою очередь, запросил об этом управляющего акцизными сборами. Интересно, что сведения о надворном советнике с немецкой фамилией, желающем отправиться в район непосредственного размещения боевых частей, военные не запросили ни у полиции, ни у жандармов. Проверка Рихтера тянулась до начала марта 1917 г., когда прекратилась сама собой. Так и осталось неясным, чем было вызвано желание чиновника побороться с нарушениями акцизных уставов в местах расположения фронтовых частей [8, д. 112, л. 72–78].

Блюстители порядка следили не только за поведением гражданского населения, но и за деятельностью противника. Так, минская полиция наблюдала за немецкими аэропланами над городом и за противодействием им русской позиционной артиллерии. Всю эту информацию полицмейстер передавал в канцелярию Главного начальника снабжений армий Западного фронта. Однако помощь армейским структурам даже во время войны не являлась для жандармов губернских управлений первостепенной деятельностью. Такое положение дел наблюдалось даже на территории прифронтовой Могилевской губернии, в административном центре которой в то время располагалась ставка Главнокомандующего.

Таким образом, жандармерия контролировала политическую благонадежность военнослужащих, а во время войны – оказывала армии существенную помощь, выполняя некоторые виды деятельности, направленные на сотрудничество с военными. К сфере деятельности жандармерии относились

и такие виды деятельности, как борьба с военным шпионажем, поскольку он мог повредить государственной безопасности, а также сбор сведений о всевозможных происшествиях в прифронтовых районах.

С началом военных действий правительство стало уделять особое внимание настроениям рабочих на предприятиях оборонного характера и железных дорогах. Меры безопасности были усилены и в белорусских губерниях, находящихся в непосредственной близости к фронту. Вся деятельность по поддержанию порядка на железных дорогах, борьба с преступностью в полосе отчуждения, контроль за благонадежностью железнодорожных служащих продолжали оставаться в ведении жандармских полицейских управлений железных дорог (ЖПУ ж/д). Несмотря на ухудшившуюся с началом войны экономическую ситуацию, эвакуацию железнодорожных рабочих и служащих из прифронтовых районов на восток Белоруссии (в первую очередь в Витебскую губернию) белорусские железнодорожники не вели какой-либо серьезной борьбы за повышение своего экономического положения. Лишь во второй половине 1916 г. железнодорожные жандармы Витебска столкнулись с экономическими забастовками рабочих механических мастерских. Забастовщики избрали представителей, чтобы донести свои проблемы до начальства, но в последний момент испугались, что руководство железной дороги будет проводить постоянное давление на выборных, и поэтому прекратили работу, потребовав к себе жандармского офицера и коменданта станции. Последние немедленно прибыли в мастерские, где рабочие объяснили им мотивы забастовки. Начальник жандармского отделения полковник Смирницкий напомнил рабочим, что их действия идут только на пользу противнику. Он предложил возобновить работу, а свои требования изложить лично ему через выборных. Полковник пообещал лично довести эти жалобы до железнодорожного начальства, а результат сообщить рабочим. Для этого Смирницкий собирался еще раз зайти в мастерские.

При расследовании жалоб оказалось, что рабочие на самом деле не получали надбавок к зарплате. Кроме того, были найдены и другие недостатки. К ноябрю 1916 г. конфликт был полностью улажен, однако жандармы провели расследование и установили зачинщиков. По причине того, что забастовка была спонтанной, никаких репрессий не последовало, но все же, как средство большего контроля было предложено усилить агентурное наблюдение за рабочими [2, № 4360/1].

Этот случай был не единственным. В сентябре 1916 г. в мастерских станции Витебск забастовали 300 человек. Они предъявили своему инженеру экономические требования и бросили работу. Забастовщики решили пойти по уже проторенному пути и потребовали встречи с начальником железнодорожного жандармского отделения полковником Смирницким. Офицер выслушал жалобы и попросил рабочих вернуться на свои места. После разговора с жандармом конфликт был тут же улажен [2, № 4369/21].

Железные дороги являлись стратегическим объектом, поэтому жандармы очень пристально следили за ситуацией на них. По железной дороге частные предприятия перевозили для заказчиков ящики с охотничьим оружием.

Отправляемый груз жандармы не проверяли, если поставщик ручался за то, что в ящике содержатся только предметы, указанные в описи. Однако при получении груза жандармский унтер-офицер обязательно присутствовал во время вскрытия ящика и проверял по описи наличие оружия, подтверждая отсутствие там посторонних предметов [10, д. 2, л. 10, 11 об., 12, 39]. Случалось, что оружие по железной дороге доставлялось и нелегально военнослужащими полевых подвижных госпиталей в санитарных поездах. В основном это были трофейные австрийские винтовки. Когда жандармы получали подобную информацию, они изымали оружие [10, д. 2, л. 3]. Иногда случались происшествия и в пассажирских поездах. Так, багажный кассир обратил внимание на две небольшие, но очень тяжелые корзины, закрытые на замок, и предложил их хозяину осмотреть их. Владелец сказал, что принесет ключ, ушел, но так и не вернулся. Кассир сообщил о корзинах жандармскому унтер-офицеру, который при понятих вскрыл их. Внутри оказалось 13 коробок охотничьего пороха [10, д. 2, л. 31–34].

Иногда в работе жандармов случались и чрезвычайные происшествия. Так, в начале 1917 г. на одной из станций Северо-Западной железной дороги под колеса набирающего ход поезда попал ефрейтор продовольственного транспорта. Он пытался на ходу перескочить из вагона в вагон, но сорвался. Находящийся неподалеку жандармский унтер-офицер Ломако, «подвергая свою жизнь явной опасности», вытащил солдата из-под колес. Жандарм составил рапорт о происшествии, на основании которого жандармское начальство представило Ломако к награде, проведя перед этим опросы свидетелей. Начальство устанавливало, действительно ли спасение происходило с риском для жизни. Только после того, как все показания подтвердили геройский поступок жандарма, он был представлен к награде [8, д. 55, л. 141–144].

В период военного времени к той деятельности, которой жандармская железнодорожная полиция занималась в мирных условиях, добавились еще и специфические обязанности, например, противодействие шпионажу и диверсионной деятельности противника на железных дорогах. С самого начала войны немцы начали использовать сирот-подростков – как мальчиков, так и девочек – для краж офицерских сумок в поездах. Попытка оказалась неудачной, поскольку подростков одевали в одинаковое платье, и жандармские унтер-офицеры на железных дорогах задерживали малолетних шпионов [14, с. 55]. Однако в поездах встречались и «мирные» подростки, продававшие пассажирам разнообразные мелочи. Для того, чтобы у них не возникало проблем при этом, им выдавали специальные временные удостоверения, которые разрешали продажу чего-либо на отдельных участках дороги. Удостоверения были именными, не предназначались для передачи другим лицам и по истечении срока действия должны были быть возвращены по месту выдачи [2, № 23878/7].

Для противодействия диверсионной деятельности противника в губерниях, расположенных в прифронтовой зоне, власти организовали охрану железнодорожного полотна специальными сторожами из крестьян и мещан, что должно было освободить жандармских железнодорожных унтер-офицеров от дополнительной нагрузки.

Непосредственная близость белорусских губерний к фронту вызывала у многих людей ощущение опасности. Для того, чтобы почувствовать себя хоть как-то защищенным, население начало приобретать всевозможное оружие. Это веяние не обошло стороной и железнодорожных служащих. Они начали направлять многочисленные просьбы начальникам ЖПУ и их отделений с целью получить разрешение на хранение и ношение оружия. Причем некоторые просители сначала покупали оружие, а потом просили разрешение на его хранение. Основная же масса желающих поступала наоборот [10, д. 2, л. 1, 2]. Обычно указывалось, что ружья приобретались для охоты, однако большинство просителей ранее охотой не занималось. Все просьбы рассматривались жандармской железнодорожной полицией, но разрешения на приобретение, хранение и ношение оружия выдавались только лишь тем, кто «вполне благонадежен и действительно охотник». Интересно заметить, что основной причиной отказов в выдаче разрешений было то, что вполне политически благонадежные просители не занимались охотой. Купленное уже оружие, на которое не было получено разрешения, изымалось станционными жандармскими унтер-офицерами. Его владельцам предлагали продать ружья тем, кто на самом деле является охотником [10, д. 2, л. 1]. Некоторая часть железнодорожников решила обзавестись более компактным оружием – револьверами. В своих прошениях к жандармским офицерам они уже писали не об охоте, а о самозащите. Так, один из старост 54-го околотка 12-го участка пути попросил разрешения на ношение револьвера ввиду беспокойного нынешнего времени и того, что иногда старосте приходится передвигаться по участку ночью. Эту просьбу поддержал инженер, однако жандармы, рассмотрев ее, отказали, решив, что «надобности в револьвере не встречается» [10, д. 2, л. 15, 15 об.]. Случались и курьезные обоснования желания приобрести револьверы. Например, один из железнодорожных служащих захотел вооружиться по причине развода с женой и уверенности, что она будет ему мстить. Кроме того, проситель писал, что возвращается со службы поздно, живет рядом с кладбищем, и иногда его преследуют до самой квартиры «какие-то темные личности». На резолюции жандармский офицер, не вдаваясь в психиатрические подробности, написал: «В ... разрешении на право имения револьвера не вижу серьезной надобности» [10, д. 2, л. 36].

Кроме того, офицеры ЖПУ ж/д во время эвакуации обязаны были выдавать удостоверения на право получения квартирных денег для семей служащих, удостоверения личности подведомственных им унтер-офицеров, членов их семей, документы на провоз вещей и проезд конвоиров. Жандармы должны были охранять составы, предназначенные для эвакуации, следить за очередностью при посадке в вагоны. Офицеры также проверяли подготовленные к эвакуации эшелоны, чтобы в них перевозились только необходимые для жизнедеятельности эвакуируемых предметы, если же попадались иные вещи, то жандармы обязаны были «без всякого снисхождения выбрасывать ненужный хлам из вагонов» [12, д. 54, л. 1, 8, 22, 24].

Железнодорожные жандармы контролировали и способы досуга работников железной дороги. Например, через руки жандармской железнодорожной полиции проходили просьбы о проведении тех или иных

мероприятий железнодорожных служащих. Жандармы контролировали их ход, а потом рапортовали об этом городскому полицмейстеру. При этом некоторые отчеты терялись. Разбирательства по фактам местонахождения отчетов велись неделями и даже месяцами. Так, жандармский отчет по поводу проведения музыкального вечера в мастерских Александровской железной дороги, прошедшего 26 декабря 1916 г. так и не был обнаружен к моменту начала Февральской революции [7, д. 1, л. 35, 35 об.].

Во время войны политической полиции пришлось усилить эффективность своих действий, вернув к жизни некоторые запрещенные ранее методы работы. Например, командир корпуса жандармов В.Ф. Джунковский, выступавший за искоренение секретной агентуры, с началом войны признал ее необходимость по некоторым направлениям полицейской деятельности. Например, повышенное внимание жандармских структур привлекла к себе выступившая против войны большевистская фракция РСДРП, поэтому среди большевиков была усилена агентурная работа [13, с. 262].

В 1915 г. В.Ф. Джунковский вступил в конфликт с Г.Е. Распутиным и вскоре был отправлен в отставку. После чего сыск начал возрождаться: секретная агентура вновь начала давать большой объем информации, в том числе и в армии, что было очень важно, поскольку позиционная война располагала к нахождению войск на одном месте долгое время, а это влекло за собой усиление революционной и антивоенной пропаганды среди солдат. К 1915 г. революционное движение уже в полной мере восстановило свои силы, нейтрализованные в период 1905–1907 гг., и начало более активную деятельность.

Политическая полиция, в условиях войны, продолжала заниматься охраной государственной безопасности. Власти, понимая, что политический сыск не в состоянии качественно выполнять расширившиеся функции, решили начать реформирование политической и общей полиции. В конце 1916 г. был подготовлен ряд проектов, по которым численность личного состава полиции увеличивалась, усиливалось денежное содержание полицейских структур, жандармские офицеры освобождались от ряда обязанностей, которые не влекли за собой ослабление деятельности по охране государственной безопасности.

Таким образом, политический сыск во время Первой мировой войны занимаясь своими прямыми обязанностями, осуществлял также помощь органам военной разведки и контрразведки. Кроме того, часть жандармских офицеров была командирована в армию для руководства контрразведывательными отделениями, поскольку военные не имели опыта розыскной работы.

В целом же политический сыск в 1914 – начале 1917 гг. достаточно большое внимание обращал на сотрудничество с военными, выполняя их просьбы, расширил свои функции, но так и не смог в полной мере возродить эффективность секретной агентуры.

1. Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. В 2 т. – М.: Издательский дом «Русская разведка»; ИИА «Евразия», 1998. Т. 1 – 608 с. Т. 2 – 432 с.
2. Архивный фонд Национального музея истории и культуры Беларуси. Ф. «Научно-вспомогательный».
3. Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883–1917). – СПб.: Стомма, 2001. – 186 с.
4. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. – М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. – 356 с.
5. Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. – М.: Изд. им. Сабашниковых, 1997. – Т. 1. – 736 с. Т. 2. – 653 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 615, оп. 1.
7. Там же. Ф. 615, оп. 2.
8. Та же. Ф. 622, оп. 1.
9. Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 2499, оп. 1.
10. Там же. Ф. 3065, оп. 1.
11. Там же. Ф. 3256, оп. 2.
12. Там же. Ф. 705, оп. 1.
13. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 432 с.
14. Филюшкин А. Рус, не спи в гробу! // Родина. 2000. № 10. – С. 55–59.